

Е.А. Здравомыслова

О КНИГЕ Б.М. ФИРСОВА «ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ 1950–1980-х годов»*

Что ждет читателя этой книги? Какова ее сверхзадача? Что интересного в ней можно найти?

Попытаемся ответить на эти вопросы. Прежде всего, эта работа носит исповедальный характер. Несмотря на академический жанр (курс лекций), рассказанная нам история — это до некоторой степени подведение итогов жизни поколения социологов-шестидесятников. Мы уже знакомы с несколькими исследованиями и интервью, которые ставят перед собой ту же задачу — осмысление опыта советских обществоведов. Профессор Фирсов выполняет экзистенциальную задачу по-своему, определяя свое место, место своей социальной среды и поколения в панораме социальной истории советского общества. Зачем и Как проживает свою профессиональную жизнь поколение шестидесятников? — в этом основной вопрос работы.

Материал, на котором выполняется эта задача — история советской социологии. Каждое поколение нуждается не только в своем переводе классики, но и в своем взгляде на прошедшее. Социологи нового поколения зачастую строго судят отцов-основателей советской социологии, опираясь в своих оценках на стандарты развития общественных наук в демократических обществах. Книга, о которой пойдет речь, как и курс лекций, на основании которого она написана, адресована тем, кто вырос и стал заниматься социологией после распада СССР, тем, кто, по словам Г. Батыгина, не знает, что социология в России была не просто академической дисциплиной (и не совсем ею, добавим мы), а самосознанием эпохи. Действительно, трудно не согласиться со словами Е. Докторова, что негативный образ советской социологии может быть разрушен только теми, кто ее делал сам. Без знания о социологических поисках «предков», веривших в возможности научно обоснованной демократизации советской системы, нам трудно понять не только себя, но и очертить перспективы развития социальной науки в России. «Без осмысления того, что мы сделали, социологии нет», — убежденно сказал один из представителей старшего поколения советских социологов.

Эта книга представляет собой сочетание рефлексии, выполненной с позиций социологии знания, и политического взгляда на социологию как науку, которая возникает и развивается в определенной общественной атмосфере.

Интересен замысел работы. Автор обратился к своим друзьям — «отцам-основателям» советской социологии (и некоторым другим экспертам), выясняя их предпочтения относитель-

* Фирсов Б.М. *История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. — 294 с.

но дизайна будущего курса лекций. Предлагалось выбрать один из трех вариантов: хронологическое описание развития социологических исследований; обзор наиболее значимых исследовательских проектов; история отношений социологии и власти. Большинство голосов был выбран третий вариант. Это и предопределило выбор автора в тематизации лекционного курса.

Другая особенность книги — жанровый эклектизм. Этот стиль легитимирован авторским участием в переживаемых событиях. Здесь есть и рассуждения, претендующие на объективность, размышления о закономерностях институционализации научного знания; личные и групповые воспоминания о социологической «тусовке». В некоторых фрагментах текста прочитывается пафос покаяния и самоутверждения поколения. Единственное, чего нет в этом курсе лекций — пропаганды и проповеди — и слава Богу!

Итак, Борис Максимович Фирсов, ныне ректор Европейского Университета, доктор социологических наук, предлагает нашему вниманию семь лекций, посвященных советской социологии. Одной из черт современного духовного климата России он считает «тенденцию углубления исторической памяти», носителями которой являются в том числе основатели советской социологии и более поздние когорты советских обществоведов. Хотя автор предупреждает читателя о своем намерении опираться не столько на свой личный опыт, сколько на опыт коллег, зафиксированный в личных свидетельствах и документах, это намерение кажется мне неосуществимым и потому неосуществленным. Стремление к объективности, вера в истинность своих выводов — на мой взгляд, несколько наивная позиция, недостижимая для того, кто пытается осмыслить опыт своей собственной жизни и жизни тех, кого он любит. Такая позиция, однако, имеет право на существование и характерна для представителей той когорты советских людей, которые верили в возможность совместить слово и дело. Автор относит свою книгу к жанру коллективного повествования: он представляет свою работу как некий социальный заказ своих коллег — реализацию их выбора в качестве основной темы изложения отношений между социологией и властью: «Соавторство, скорее, чем авторство, лежит в основе профессиональной мотивации, побудившей меня выступить в роли летописца».

Кратко освещая содержание книги, я отмечу те находки и интеллектуальные сюрпризы, которые читатель с удовольствием обнаружит в этом тексте. Цикл лекций в целом построен в хронологическом порядке. Автор сначала представляет обзор досоветской российской социологии, отмечает преемственность и разрывы российской социологической традиции, а затем переходит к основной теме — анализу советской социологии как научного и политического феномена. Это содержательное ядро книги включает пять лекций. Работа завершается обсуждением состояния и проблем развития современного социологического знания в России.

В первой лекции представлен краткий очерк истории советской социологии. Основа периодизации — директивные документы партии и правительства. Предлагая такой критерий историко-научного описания, автор доказывает, что советская социология имеет этатистический характер. Социальная наука в советском обществе возникает по указу сверху, она ориентирована на снабжение власть имущих надежной информацией о процессах, идущих в обществе. Отношения с властью — основной вопрос советской социологии, они также определяют профессиональную и личную судьбу советских социологов.

Вслед за В.Э. Шляпентохом автор выделяет четыре периода развития советской социологии: эмбриональный, золотые годы, период поворота, период серости. Технология воздействия на социологию, по словам автора, осуществляется через тотальный партийно-государственный контроль. Но зададимся вопросом: так ли это? Подробный анализ документов и знание советской реальности показывают, что тип и механизмы контроля менялись на разных этапах. При этом тотальный контроль социальных действий был недостижим в отношении социологии, как и в отношении других сфер общественной жизни. Дальнейшее изложение подтверждает этот тезис.

Вторая лекция посвящена становлению социологического знания в советском обществе. Автор усматривает преемственность советской и досоветской российской социоло-

гии. Это, видимо, необходимо для того, чтобы сконструировать историческое основание коллективной идентичности советских социологов-шестидесятников. Поиск традиций в рамках досоветского российского обществоведения — некая упрямая идея советских социологов. Несмотря на явный разрыв традиции, они стараются создать интегративный образ научного знания, вспоминают об исследованиях рубежа веков, о двадцатых годах и проч. Поиск и воссоздание иллюзорной традиции очевидно востребованы современной культурной и научной ситуацией. Они свидетельствуют о потребности в укорененности, поиске идентичности, становлении дисциплины на ранней фазе развития, подобно молодому национализму, опирающемуся на мифы о возникновении этноса.

Говоря о преемственности советской и досоветской социологии, автор отмечает характерную для России тенденцию к неакадемической форме развития и распространения социологической мысли. На самом деле, тезис о преемственности досоветской и советской социологии выглядит странным для тех, кто помнит, что работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Н. Бердяева были не доступны советским читателям, не изучались в высшей школе... Интересно, что в этой лекции перед нами разворачивается спор представителей разных поколений российских социологов: шестидесятника Фирсова и семидесятника Батыгина.

Фирсов настаивает на том, что государственная политика в отношении социальных наук тормозила их развитие. Государственный марксизм в действии описан автором через анализ всевластного распорядительства интеллектуальной жизнью со стороны системы партийно-государственного контроля, причем особое внимание уделяется таким структурам, как ЦК и ОК КПСС, Главполитпросвет, Главлит. Деятельность спецхранов, селективная способность грифа ДСП («для служебного пользования»), символика шестиугольный: штампов для обозначения поступавших по почте изданий, списки запрещенной литературы — все это вещественные маркеры тех практик, которые были рутиной жизни советских социологов.

В третьей лекции представлено поэтапное развитие советской социологии, балансирующей между социальным и политическим заказом, между обществом и властью. Ренессанс социологии рассматривается как аспект духовной эмансипации общества. Основные действующие лица этой культурной и политической либерализации, которую часто называют хрущевской оттепелью, — интеллектуалы, интеллигенция, властвующая политическая элита, партийный аппарат и КГБ (к сожалению, определения этих социальных категорий и соотношение их позиций в политическом пространстве постсталинского общества в работе не проясняются). Автор таким образом утверждает, что социальные изменения начинаются в сфере духовной жизни.

Реставрация социологии (формированию новых лабораторий социальных исследований в ретроспективе приписывается именно такой смысл, хотя совсем не так думали об этом молодые шестидесятники) стала делом группы советских философов с либеральной ориентацией, которые и составили первое советское социологическое поколение. Их поколенческие характеристики — гражданская позиция, запас жизненного оптимизма, двоемыслие. В 1960-е гг. и лидеры, и интеллектуалы считали социологию инструментом и символом национальной модернизации, инструментом улучшения экономики и совершенствования идеологической работы партии. Постфактум отцы-основатели видят свою профессиональную деятельность как одну из форм сопротивления тоталитаризму, господствующей марксистско-ленинской идеологии.

Циклическое развитие социологических исследований в России объясняется политическими обстоятельствами. Для социологии, как и для диссидентского движения в России, решающим стал август 1968 г., когда вторжение советских войск в Чехословакию подвело черту целой эпохе надежд и упований на демократическое изменение советского общества.

В позднесоветское время, по нашему мнению, в социологической жизни, как и в обществе в целом, воспроизводилось структурное различие между официально-публичными исследованиями и публикациями, с одной стороны, и неформальным миром семинаров, устных обсуждений, переводов, с другой. Кроме сервильной социологии существовал неформальный социологический дискурс, который развивался в нишах самодеятельных круж-

ков, устных выступлений, семинаров, обсуждений переводов западных социологов. В компромиссе между этими мирами или дискурсами возникал социологический жаргон — воляпук посвященных, т.е. речь, «непроницаемая для внешнего контроля, но внутренне необычайно сложная и семантически стратифицированная». Язык партийных собраний, ученических советов и ВАКа сосуществовал с эзотерической речью, умение пользоваться которой гарантировало признание среди «своих». В основе этого языка лежало не только стремление обособиться от профанного, но и экзистенциальный страх, присущий советскому человеку. И. Кон в своих воспоминаниях пишет: «Почти в каждом из нас жил внушенный с детства страх. Когда у тебя на глазах убивают других, ты помнишь, что это может случиться с тобой». Двоумыслие советского человека — это тоже реакция на страх. Двоумыслие советских социологов предполагало, что по одному и тому же вопросу имелось два противоположных, однако совершенно искренних мнения. Разорванность официальной и неофициальной социологии и компромисс между ними становились условием профессионального выживания, а также почвой ханжества и цинизма.

Продолжая эту тему, Борис Максимович рассматривает отношения социологов и диссидентов, собственно социологический самиздат, который был весьма незаметным. Тем не менее, социологическое исследование как тип знания предполагало только официальную публичность. Реальная жизнь в основном оставалась за пределами обсуждения. Только социологи семьи и молодежи, наиболее дистанцированные от политического ангажмента, могли собирать сколько-нибудь аутентичные данные.

История советской социологии может быть представлена как смена поколений. Советские социологи, принадлежащие к разным поколениям, имеют разный профессиональный опыт. Шестидесятники (при всем различии внутри этой когорты) были консолидированы энтузиазмом новаторства, верой в реформы, сциентистскими иллюзиями. Семидесятники оказались расколотым поколением: часть из них отказалась в советское время от карьерного продвижения, а другая часть стала аутентично сервильной. Итак, жизненная драма социолога позднесоветского времени заключалась в необходимости выбирать между политическими целями и императивами профессионализма. Компромисс достигался с помощью аппаратных игр, эзопова языка, закулисных технологий, теневых стратегий (с. 130).

Четвертая лекция посвящена анализу субъективных факторов мотивации социологической деятельности. Социальная биография науки реконструируется с помощью воспоминаний коллег-шестидесятников (с. 110). Абрис социальной биографии науки представлен как история среды, порождающей знание, история формирования профессиональных интересов и судеб людей.

На основании изучения воспоминаний и жизнеописаний автор выделяет модели профессионального поведения советских социологов, которые можно назвать сценариями или стратегиями профессионального пути. Наиболее значимое место в этом поле занимали социологи, следующие стратегии «социального конструктивизма». Ориентация на построение справедливого общества, критика социального порядка в сочетании с высоким уровнем гражданской активности и даже мессианством — вот суть их противоречивой установки. В результате в репертуаре их действий большое место занимают научные доклады и многостраничные «записки», адресованные органам власти и пронизанные чистосердечным стремлением добиться изменений. Надежда на сотрудничество, попытки воздействовать на власть с помощью социальной науки — следствие этого пафоса.

В целом практики профессиональной жизни социологического сообщества были характерны для «положения слабых» — они предполагали использование эзопова языка социальной критики, компромисс политической и научной позиций, а также опыт проколов. Прокол — это служебное нарушение, которое часто является непреднамеренным. Если в ситуации прокола для карьеристов характерно немедленное покаяние, индивидуальные объяснения с недовольным начальством, то итог прокола для «конструктивистов» — перевод на новое место работы, которое зачастую рассматривалось как ссылка, вынужденное прекращение карьеры. Автор приводит примеры таких проколов из биографии своих коллег и своей собственной (с. 135).

В этой лекции Борис Максимович как бы мимоходом ставит важный для нас вопрос — о дефиците культурных ресурсов развития отечественной социологии. Наряду с дефицитом профессиональных знаний, недостатками социологического инструментария для описания социальной жизни, он указывает на особую идеологизированную советскую концепцию человека. Идеи Добра, гуманизма остались за пределами социологической парадигмы отношения к человеку. Именно в развитии этической составляющей социологического знания он видит перспективы. В целом попытки инкорпорировать этические категории в анализ развития социального знания характерны для последних выступлений Б.М. Фирсова.

Пятая и шестая лекции представляют наиболее крупные социологические проекты, выполненные в советское время, и значимые социологические школы. Результаты исследований рассматриваются как данные, необходимые для реконструкции социальной истории советского общества, что вполне уместно, если иметь в виду, что эмпирические исследования того времени выстраивались в соответствии с функционалистским пониманием социального порядка и были обеспечены высоко профессиональной методологией. Работы Заславской и Рывкинсь, Ядова и его коллег, Таганрогский проект под руководством Грушина, исследования под руководством Гордона и Клопова и многие другие — предмет обсуждения в лекциях.

Фирсов обращает внимание на феномен социологической школы, которую он определяет как оформленное самостоятельное научное направление, развиваемое коллективом ученых-единомышленников, объединенных общностью концепций, принципов и методов исследований, которые постоянно совершенствуются и при этом сохраняют преемственность. И вновь подчеркивается роль этического измерения, духа сообщества, или этоса школы. Рассматривается новосибирская и ленинградская социологические школы, которые имели свою содержательную специфику, выраженных лидеров, работали в достаточной степени обособленно для того, чтобы формировался неформальный колледж исследователей-единомышленников.

Последняя лекция посвящена обсуждению влияния перестройки на советскую социологию, когда общественный климат совершенно изменился. Быстро, «как на дрожжах» возростал уровень гражданской ответственности и демократического патриотизма. Возникновение новых исследовательских направлений, новых научных структур, взаимодействия с общественными движениями, поддержка реформ — все это характеристики социологических процессов периода перестройки. В это время принят профессиональный кодекс социолога, который стал событием в жизни сообщества (теперь мало кто об этом помнит). Заказная социология, которая и в подметки не годилась журналистике, изучавшей конкретные человеческие судьбы, стала вытесняться новой гражданской социологией, которая повернулась лицом к реформам и к людям.

«Новый режим взял в союзники интеллигенцию», — пишет Фирсов. Известные советские социологи в период демократической мобилизации становятся депутатами Верховного Совета СССР (Г. Заславская, Г. Арутюнян, М. Лауристин, Ю. Вооглайд, Г. Старовойтова). Все они работали в составе демократической Межрегиональной группы, лидером которой был академик А. Сахаров. В завершение снова рассматриваются различия между социологами — демократами, прагматиками-профессионалами, и теми, кто руководствуется приоритетом корпоративных имперских интересов.

Описывая трансформацию социологического знания в период быстрых социальных изменений, Фирсов использует емкую метафору: он пишет о переходе от конфуцианской модели интеллектуала, доминирующей в советское время, к даосской модели. Конфуцианство предполагает подчинение интеллектуала-философа государственным интересам, обслуживание их и кормление от государства. Даосизм выдвигает фигуру независимого, свободного и порою нищего мыслителя, который служит себе, людям и богу, но не власть имущим (с. 202). А где же нормальный протестант — прагматик, профессионал, делающий свое дело за достойное вознаграждение? Разве его время еще не пришло?

В заключение хочется сказать, что данный курс лекций не только дает нам представление о динамике развития советского социологического сообщества, он сам по себе является ценным свидетельством саморефлексии поколения.